

УДК 314.7

DOI 10.25688/2078-9238.2021.38.2.03

Д. Л. Хилханов

Процессы транскультурации в фокусе культурной идентичности

В статье рассматриваются процессы трансформации культурной идентичности. Концепция транскультурации позволяет объяснить возникающие в условиях модернизации новые гибридные проявления культурной идентичности. Культурная идентичность бурятского и русского населения сегодня значительно определяет структуру их трудовой занятости. Данный процесс можно назвать гибридизацией традиционных производственных ниш, он является проявлением феномена транскультурации в условиях модернизации.

Ключевые слова: транскультурация; культурная идентичность; этническая идентичность; производственная ниша.

Процессы глобализации в современном мире, несомненно, актуализируют феномен культурной идентичности, в первую очередь ее этнические аспекты. Проблемы трансформации культурной идентичности рассматриваются различными философскими концепциями. В современном обществе концепция транскультурации постепенно приходит на смену европоцентристским моделям аккультурации и мультикультурализма, при объяснении феноменов и последствий межкультурного взаимодействия. В большинстве исследований эта теория воспринимается как основной принцип функционирования современных культурных форм в эпоху глобализации [4: с. 133].

Данная концепция логично объясняет характер ее изменений у миноритарных этносов в условиях социально-экономической модернизации, а также в условиях переезда в другую страну, т. е. миграции. Современный опыт межкультурного взаимодействия демонстрирует устойчивость данного феномена даже в условиях глобальной модернизации. Культурная идентичность демонстрирует свою устойчивость, во-первых, потому что она шире, чем просто этническая или лингвистическая; во-вторых, культурная идентичность может существовать в невербальных формах [5]. Последний факт является важным для представителей этносов, которые имеют недостаточную языковую практику в условиях миграции [6]. В целом маркерами идентичности помимо родного языка могут стать совершенно различные признаки материальной и духовной культуры — от палочек для еды у народов Азии до песенных фестивалей в Балтийских странах.

В целом концепция транскультурации позволяет объяснить возникающие новые гибридные проявления культурной идентичности в условиях модернизации.

Социально-экономическая модернизация, как правило, приводит к значительной трансформации культурных ценностей и по факту — к изменению культурной идентичности. В результате экономической модернизации последних лет большинство стран, участвующих во Всемирном исследовании ценностей под руководством Р. Инглхарта, демонстрируют постоянную тенденцию движения стран к ценностям самовыражения [10]. Для изучения всемирных ценностей данные авторы рассматривали такие критерии, как: традиционные — секулярно-рациональные ценности, и ценности выживания — самовыражения [9]. Ценности самовыражения основаны на европейских ценностях либерализма и индивидуализма, ценности выживания — на коллективизме и авторитаризме. Данное исследование является самым масштабным социологическим опросом в мире с 1980-х гг., и его выводы более чем по 100 странам мира считаются репрезентативными.

Согласно принципам культурной диффузии, по аналогии с физическим одноименным процессом, в период усиления коммуникации в условиях модернизации происходит нивелирование культурных различий в процессе формирования единого экономического и социального пространства, в результате заимствования системы норм, ценностей, традиций и обычаев. Данный процесс аккультурации сопровождается, как правило, усиленной государственной политикой по формированию единой национальной идентичности.

В то же время в многонациональных и поликонфессиональных государствах миноритарные этнические группы, как правило, актуализируют свою культурную идентичность, а в случае миграций пытаются транслировать ее на окружающую их чуждую культуру. При этом мы наблюдаем, по сути, противостояние тенденций глобализации и глокализации (процесса экономического, социального, культурного развития, характеризующегося сосуществованием разнонаправленных тенденций). В результате роста межкультурного и экономического взаимодействия возникает феномен транснационализма и концепция транскультурации в противовес теориям аккультурации. Несомненно, социальные и культурные дистанции между этносами имеют тенденцию к постепенному сокращению, что показывают данные семи массовых опросов Всемирного исследования ценностей с 1981 по 2020 г., но также они могут сохраняться путем модификаций в гибридные культурные формы. Данные процессы происходили и в российской истории.

В условиях России окончательное оформление культурных идентичностей у миноритарных этносов относят к концу XIX – началу XX века и их связывают с процессами социально-экономической модернизации. В эти процессы были активны вовлечены и буряты — крупнейший этнос Сибири.

Бурятские племена вошли в состав России в XVII веке. Факт установления государственной границы с Монголией институционализировал процесс их культурного дистанцирования от родственными монгольских племен, которые в тот период времени остались под влиянием Китайской империи. При этом до начала XX века в силу значительной географической

отдаленности от центральных регионов страны, отсутствия Транссибирской железнодорожной магистрали все сибирские народы, в том числе буряты, были слабо включены в процессы российской социально-экономической модернизации.

Конструирование культурной границы, формирование противопоставления «мы – они» у бурят происходило в условиях контактов преимущественно с русским населением. В ходе исторического развития буряты обрели множественную культурную идентичность: родовую, племенную, региональную, этническую, общемонгольскую, буддийскую, российскую.

Исторически основным уровнем идентификации для бурят был родовой. С административной точки зрения род напоминает русскую общину. Община являлась основным административным объединением для крестьян и всячески поддерживалась государством в фискальных целях. Общинное ведение хозяйства, практическое отсутствие частной собственности на землю определяло приоритет традиционных коллективистских культурных ценностей у русского населения. Как известно, попытки государства разрушить общину и взамен создать фермерские хозяйства в начале XX века не увенчались успехом в том числе и в силу приоритета у крестьянина ценностей выживания. До революции бурятский род также владел основными наделами земли (покосами), которые регулярно распределялись между его членами. Род у бурят являлся в первую очередь явлением социально-экономического и административного характера, особенности которого детерминировали культурные черты и ценности, как и общинный уклад определял мировоззрение русского крестьянства. Сегодня родовая принадлежность у бурят примерно соответствует принадлежности к определенным районным землячествам, которые в последние годы ведут активную деятельность. Подобную модернизацию родовой принадлежности можно отнести к современным проявлениям транскультурации.

Автор данной статьи отмечает тот факт, что большинство исследователей не рассматривают в контексте идентификации производственную специализацию этноса. Как правило, исторически, на протяжении веков именно производственный уклад формировал определенные культурные ценности, а модернизация разрушала в первую очередь традиционные способы хозяйствования, а уже затем трансформировала культурные ценности. Данные процессы описаны в основных теориях модернизации.

Специфические производственные уклады формировались в Сибири в течение столетий. Представители разных этнических групп (русские, буряты, эвенки) развивали различные трудовые навыки, которые определяли нормы, традиции и ценности социальной группы в рамках производственной специализации (соответственно земледельцы, скотоводы, охотники, оленеводы).

Географический и климатический факторы в Сибири обусловили широкое распространение традиций кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Этим традициям соответствовали культурные комплексы представлений, образов, традиций и обрядов, характерных для кочевой жизни.

Впервые взаимосвязь культурной идентичности и традиционного способа хозяйствования отметил норвежский антрополог Фредерик Барт. Он акцентировал внимание на производственной составляющей этнической границы, а не на комплексе культурных признаков. В результате ученый определил детерминирующую роль производственных отношений для этнической границы и в целом для феномена культурной идентичности [8].

Особо устойчивая взаимосвязь этничности и производственного уклада наблюдается у малых народов Сибири и Севера. В XX веке радикальные перемены в повседневной жизни у рыбаков и оленеводов Севера зачастую разрушали их традиционный уклад и породили целый комплекс актуальных по сегодняшний день социальных и культурных проблем [1: URL].

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что народы, которые могут сохранять традиционное хозяйство как жизнеобеспечивающий фактор, также сохраняют основные элементы традиционной культуры. Другой вопрос, что в условиях глобальной модернизации сохранение традиционных форм хозяйствования является маловероятным, скорее профессиональная трансформация приводит к занятиям в области неформальной экономики: браконьерство, незаконный вылов рыбы, незаконная добыча золота и др.

Статистические переписи проводились в Сибири начиная с конца XIX века. Данные этих переписей позволяют проанализировать их с помощью современных статистических методов и выявить роль традиционной производственной составляющей у различных этнических культур.

В результате проведенного корреляционного и факторного анализа мною было выявлено наличие в Забайкалье в конце XIX века выраженной производственной специализации и ее прямой связи с сословными и этническими различиями, т. е. полного совпадения двух стратификационных систем: этнической (буряты/русские) и социальной (скотоводы/земледельцы).

Необходимо отметить, что подобная стратификационная структура была характерной для многих сибирских регионов. Так, например, в «Якутской области в конце XIX века инородческое население (якуты, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи) делилось на кочевых, оседлых и бродячих и составляло основную часть населения области — 89 %. Из их числа 80 % якутов были заняты скотоводством, охотой и лесными промыслами, и только 5–6 % занимались земледелием» [3].

В конце XIX века сословное разделение общества в Забайкалье (как и в других регионах Сибири) представляло собой пример полного совпадения следующих стратификационных систем: культурной (этнической) и социальной. Культурная идентичность соответствовала определенной производственной нише этноса. Производственная ниша этноса — это тот хозяйственно-культурный тип, который является исторически традиционным для этноса и определяется его природным, пространственным, культурным окружением. В то же время, следует отметить, что в результате процессов аккультурации более 5000 бурят в этот период стали заниматься земледелием, а также более

23 000 кочевников были приписаны к казачьему сословию, что, несомненно, повлияло на трансформацию их культурной идентичности [7].

В течение XX века процессы социокультурной модернизации затронули и крестьянство, и кочевников. В условиях революционных преобразований буряты выработали определенную стратегию социальной и профессиональной мобильности. Политика индустриализации в сибирских городах, конечно, привлекла часть коренного населения на заводы и фабрики, но значительное их большинство сознательно выбирало либо занятие сельским хозяйством, либо в сфере образования, культуры, медицины и управления. Сами производственные ниши у вчерашних кочевников и крестьян сегодня кардинально трансформировались, но сохранили свои идентификационные различия. Различия в стратификационной структуре можно объяснить разницей ценностно-нормативных систем у этносов, сформировавшимися за длительный период обитания в определенной производственной нише. При этом сами ниши меняют свое содержание, но, как правило, эти изменения происходят в определенном соответствии с историческим прошлым. Например, народы Севера сегодня демонстрируют приверженность к тем же практикам природопользования, как и столетия назад, но сейчас это позиционируется как «вынужденное браконьерство» [2].

По итогам современных статистических исследований в Республике Бурятия в XXI веке мы можем наблюдать достаточно четкую производственную специализацию этнических групп в районах республики. Бурятское население демонстрирует явную тенденцию к занятости в сфере сельского хозяйства и характеризуется более слабым развитием промышленности и бытовых услуг. Русское население показывает преимущественно промышленную специализацию и характеризуется наличием развитого производственного потенциала, значительным объемом промышленной продукции и более высоким уровнем развития бытовых услуг.

Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. показывали, что основная часть русского населения в Республике Бурятия трудится в обрабатывающей промышленности (137 человек из 1000), в торговле (118), в госуправлении и обороне (106), в образовании (103). Буряты заняты в сфере образования (203), торговли (119), госуправления и обороны (117), здравоохранения (116) и сельского хозяйства, охоты и лесоводства (102) [7].

На наш взгляд, в XX веке у бурят, как и у других сибирских народов, наблюдалось изменение содержания в самой производственной нише. Существующие значимые различия в выборе профессий у русских и бурят доказывают тот факт, что этнические границы, несмотря на глобализационные/модернизационные процессы, по-прежнему могут быть связаны с определенной производственной нишей. Культурная идентичность бурятского и русского населения до сих пор оказывает влияние на структуру их трудовой занятости. Следует отметить, что данная гибридизация традиционных производственных ниш является очередным проявлением феномена транскультурации.

Литература

1. Вахтин Н. Б. Антропология Севера: кто и как живет там, где холодно: аудиолекции. Курс № 76. Как изменилась жизнь на Севере в XX веке? Длительность: 28:50 // Древний мир на Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/76/4> (дата обращения: 28.12.2020).
2. Клоков К. Б. Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. №1 (7). С. 142–165.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. LXXX. Якут. область. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1905. С. 80.
4. Тлостанова М. В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 126–149.
5. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Этнокультурная идентичность мигрантов из восточных регионов бывшего СССР в свете теории «столкновения культур» // Вестник РУДН. Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38
6. Хилханова Э. В. Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект // Социоллингвистика. 2020. № 1 (1). С. 63–78.
7. Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Улан-Удэ, 2007. 307 с.
8. Ethnic Groups and Boundaries / ed. F. Bart. Boston: Little, Brown, 1969. 198 p.
9. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p.
10. WVS Database WVS Wave 6 (2010–2014) // The World Values Survey site. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 17.05.2021).

Literatura

1. Vakhtin N. B. Antropologiya Severa: kto i kak zhivet tam, gde xolodno: audiolektsii. Kurs № 76. Kak izmenilas` zhizn` na Severe v XX veke? Dlitel`nost`: 28:50 // Drevnij mir na Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/76/4> (data obrashheniya: 28.12.2020).
2. Klokov K. B. Mezhdu gosudarstvom i ry`nkom: neformal`ny`e praktiki prirodo-pol`zovaniya v sibirskix selax // E`tnografiya. 2020. №1 (7). S. 142–165.
3. Pervaya vseobshhaya perepis` naseleniya Rossijskoj imperii 1897. T. LXXX. Yakut. oblast`. SPb.: Central`ny`j statisticheskij komitet Ministerstva vnutrennix del, 1905. S. 80.
4. Tlostanova M. V. Transkul`turaciya kak model` sociokul`turnoj dinamiki i problema mnozhestvennoj identifikatsii // Voprosy` social`noj teorii. 2011. T. 5. S. 126–149.
5. Khilkhanova E`. V., Khilkhanov D. L. E`tnokul`turnaya identichnost` migrantov iz vostochny`x regionov by`vshego SSSR v svete teorii «stolknoveniya kul`tur» // Vestnik RUDN. Polilingvial`nost` i transkul`turny`e praktiki. 2020. T. 17. № 1. S. 31–38. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-31-38

6. Khilkhanova E. V. *Mnogoyazy`chie postsovetsoj migracii: funkcional`ny`j aspekt* // Sociolingvistika. 2020. № 1 (1). S. 63–78.
7. Khilkhanov D. L. *E`tnicheskaya identichnost`: rol` xozyajstvenno-e`konomicheskix i kul`turno-yazy`kovy`x faktorov: dis. ... d-ra sociol. nauk: 22.00.04. Ulan-Ude`, 2007. 307 s.*
8. *Ethnic Groups and Boundaries* / ed. F. Bart. Boston: Little, Brown, 1969. 198 r.
9. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 r.
10. WVS Database WVS Wave 6 (2010–2014) // The World Values Survey site. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (data obrashheniya: 17.05.2021).

D. L. Khilkhanov

Transculturation Processes in the Focus of Cultural Identity

The article observes the processes of transformation of cultural identity. The concept of transculturation allows us to explain the new «hybrid» manifestations of cultural identity that arise in the context of modernization. The cultural identity of the Buryat and Russian populations today significantly determines the structure of their employment. This process can be called «hybridization» of traditional production niches, which is a phenomenon of transculturation in conditions of modernization.

Keywords: transculturation; cultural identity; ethnic identity; production niche.